«Мое постоянное стремление — наводить мосты между культурами Франции и России...»

А. Берелович, А.М. Никулин

Алексей Берелович, Университет Париж — Сорбонна (Париж IV). Франция, Париж 5 округ, рю Виктор-Кузен, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

В этом интервью французский исследователь Алексей Берелович размышляет о своих российский семейных корнях и связанным с этим стремлении соединять в собственной жизнедеятельности французскую и российскую культуру через разнообразное сотрудничество в научных историко-социологических проектах России и Франции.

Впервые побывав в России еще подростком в подмосковном пионерском лагере конца 1950-х годов, а потом поработав молодым волонтером-преподавателем французского языка в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков в конце 1960-х годов, Алексей Берелович вскоре определился с изначальной темой своих научных исследований, связанных с изучением развития почвеннической идеологии писателей-деревенщиков в Советском Союзе.

Начиная с периода перестройки А. Берелович активно участвовал в российско-французских научных проектах социологов, изучавших трансформацию общественного мнения в период распада СССР, а также в российско-французских научных проектах историков, занимавшихся изучением раннего советского периода аграрной истории 1920–1930-х годов.

Большой вклад в развитие культурных и научных связей между Францией и Россией Алексей Берелович внес, занимая пост атташе по культуре в посольстве Франции в середине 1990-х годов, а также являясь директором созданного им Французского научного центра в Москве с 2002 по 2006 годы.

Особое место в интервью Береловича занимают личные воспоминания о таких замечательных исследователях российского крестьянства, как Базиль Кербле, Моше Левин, Виктор Данилов и Теодор Шанин.

Ключевые слова: крестьяноведение, перестройка, Россия, СССР, Франция, университетская наука, Кербле, Левин, Данилов, Шанин

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-96-114

А.М. НИКУЛИН: Алексей, расскажите, пожалуйста, о своей жизни, ее основных вехах, начиная с истории семьи, детства.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Говорить о своей жизни можно очень долго. Объем такого повествования бывает разный. Как видно по моей фа-

милии, я русского происхождения, или как теперь сказали бы, русскоязычного. Родители мои эмигрировали в разное время из России после 1917 года.

Мама ребенком (она 1910 года рождения) эмигрировала классическим путем через Крым, Константинополь, во Францию с остановкой в Греции. У моего отца все было сложнее, потому что он старше и успел поработать в России. Он получил инженерное образование в Германии, потом окончил юридический факультет в Москве и работал там адвокатом. Эмигрировал отец в середине 1920-х и после некоторых перипетий тоже оказался во Франции. Там мои родители и познакомились.

Важно, что семья была русскоязычной в том смысле, что дома говорили только по-русски. Цель моих родителей, в первую очередь отца, была передать нам русскую культуру. Дома мы всегда говорили только по-русски. Первые наши сказки, первые книжки — русские. Поэтому можно сказать, что моя культурная основа в первую очередь русская. Но родители также оба были убеждены, что мы должны стать французами. Мы не жили идеей исключительности России, исключительности нашей какой-то духовности. Родители не были религиозны. И поэтому мы пошли во французский детский сад, потом в нормальную районную школу рабочего пригорода, где мы жили.

А. М. НИКУЛИН: А где вы жили? Где были детсад, школа?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Изначально жили в густонаселенном русском районе Парижа, потом по разным обстоятельствам семья перебралась в рабочий пригород. Теперь он стал вполне буржуазным, произошла джентрификация этого района — это на западе от Парижа, но совсем рядом, 15 минут на автобусе до метро. И мы все три брата учились в обычной школе, окончили среднее учебное заведение. Потом я поступил в университет на русское отделение филфака. Так получилось по разным обстоятельствам, не могу сказать, что это был изначально желаемый путь. Меня интересовала больше история искусств или социология, но это не давало обеспеченную работу. А мне, как и моим братьям, нужна была в связи с экономической ситуацией семьи гарантированная работа, например, преподавание. Во Франции тогда не хватало преподавателей, поэтому если ты обязывался преподавать, то получал очень хорошую стипендию, которая позволяла жить. Поэтому я выбрал русский язык и окончил русское отделение филфака в Сорбонне.

А.М. НИКУЛИН: А где Вы родились? И как проходили годы Вашей учебы в школе и в университете?

Я родился в тяжелое время — тем более для еврейского мальчика — в 1943 году в Париже. Пошел в школу соответственно в 1949 году. Окончил ее и получил аттестат зрелости в 1961-м, сразу поступил в университет и окончил его в 1966 году, а в 1967-м сдал отдельный конкурсный экзамен на преподавателя.

А.М. НИКУЛИН: Накануне революции 1968 года.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да, до 68-го года. А во время событий 68-го года я уже преподавал русский язык в школе. И так как я был секретарем профсоюза, то принимал в тех событиях достаточно деятельное участие. Но в отличие от многих моих коллег, не говоря об учениках, я не верил в то, что происходит революция и будет смена общественного строя.

А.М. НИКУЛИН: Значит, тогда Вы достаточно трезво оценивали то, что происходит?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Трезво. В моей жизни сыграло достаточно большую роль то, что я долгие годы был сперва в коммунистическом союзе молодежи, а потом в компартии Франции, которая не могу сказать, что вела себя безупречно в 1968 году: сильно недооценивая эти события, она с большим подозрением относилась к студенческому движению. Но тем не менее я и теперь думаю, компартия не ошибалась, когда не верила в революционную ситуацию. Действительно, революционной ситуации реально не было. И последующие события показали все это достаточно ясно. Так что тут не моя заслуга, не мое сверхпонимание вещей, просто я принадлежал к той политической группе, которая в революционную обстановку 68-го года не верила. И даже недооценивала то, что происходило. Хотя я, конечно, участвовал в забастовке, в демонстрациях, в дискуссиях и так далее. Но я не считал, что вот наступает момент всеобщего счастья. Потом, и это опять-таки сыграло большую роль в моей жизни, я отправился на два года в Советский Союз. Во Франции в то время существовала такая система, когда еще была обязательная военная служба, но ее можно было заменить гражданской службой, и вместо армии я был отправлен в Минск преподавать французский, работать лектором французского языка. Это устраивало обе стороны, потому что я таким образом избегал казармы, а для французских властей было важно иметь некоторое культурное влияние в мире. Но в то же время это им ничего не стоило, ведь я проходил волонтерскую альтернативную службу и получал местную зарплату от Минского государственного педагогического института иностранных языков, где преподавал в основном преподавателям же французского и немножко студентам на вечерних курсах.

А.М. НИКУЛИН: Получается, впервые вы оказались в СССР в Белоруссии, в Минске?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Нет, первый раз я попал в Россию еще в 1958 году, в 15 лет. Было во Франции, как и во многих других странах, такое общество дружбы «Франция — СССР». И оно организовало побратимство между Сюреном, маленьким пригородом Парижа, и подмосковным городом Клином. Впоследствии все это мероприятие быстро схлопнулось, но деятели сюренского отделения «Франции — СССР» успели отправить около 15 французских школьников в Клин в пионерский лагерь на лето 1958 года. Так я провел три недели в пионерском лагере. Там все было как надо: красные галстуки, линейка по утрам. Нас повезли в Москву, показывали Москву. Дол-

жен сказать, постфактум я очень удивлен: все-таки 1958 год, 5 лет после кончины Сталина, а мы были встречены без всяких предубеждений, с большим дружелюбием. Мы чувствовали себя очень хорошо. И я там даже пожелал встретиться с моей тетей, сестрой отца, которая жила в Москве. И когда была экскурсия в Москве, то один из сопровождающих помог мне найти семью тети. Туда меня проводил и там меня оставил мой двоюродный брат, который тоже там был, он же потом отвез меня обратно в пионерлагерь. В общем, старые правила уже ушли, а новые еще не пришли. Это была моя первая поездка. И должен сказать, в мои 15 лет это было большое потрясение, потому что для меня до этого русский язык и русская культура было делом семейным. А тут я увидел, что не только наша семья говорит по-русски, но еще и много других людей, я, конечно, это знал, но прочувствовал это реально только тогда.

А потом я еще несколько раз ездил в Россию, когда уже учился в университете. Это был студенческий обмен на месяц, потом сопровождал туристическую группу. Вот так 2–3 раза я уже в России успел побывать до моей альтернативной службы. Но, конечно, до моей жизни в Минске это было только очень поверхностное ознакомление.

Я тогда, конечно, очень сожалел, что попал в Минск, а не в Москву. Но сейчас об этом не жалею, потому что это мне позволило открыть для себя провинциальную — «нормальную», не столичную — жизнь. Хоть Минск и был столицей БССР, но в общем это был русский город. Был там белорусский театр, куда никто не ходил. Было вещание по-белорусски, которое никто не слушал. И вывески были написаны на обоих языках. Но на улице все говорили по-русски, в университете преподавали по-русски. Впрочем, там студенты были обязаны, не помню, сколько, 2–3 часа в неделю, кажется, изучать белорусский язык. Но я себя не ощущал там, как в нерусском городе, где русский был бы иностранным. Я чувствовал, что нахожусь в русском городе. Жили мы в общежитии. Я говорю во множественном числе, потому что я был с моей первой женой. И это слава богу, потому что одному мне там было бы тяжело. И мы жили в общежитии на преподавательском этаже. Жили, как все: душ для мужчин 2 раза в неделю, душ для женщин 2 раза в неделю и так далее. Не буду рассказывать, что там была за ванная комната — это нечто неописуемое. Конечно, в общежитии готовить еду было сложно, были только индивидуальные электрические плитки и титан для горячей воды. Впрочем, нормальное советское общежитие, конечно, не роскошное, но и не самое худшее. Все, конечно, сразу узнали, что мы иностранцы. В начале ощущалась большая настороженность, впоследствии она немного спала. Соседи по общежитию заходили попросить французский детектив, попить виски или джин, которые мы покупали в «Березке», когда ездили в Москву. Несмотря на запрет покидать Минск без разрешения, мы туда ездили «зайцами», это было вполне возможно, тогда ведь не проверяли в поездах паспорта. Брал билет

на ночной поезд, 2 дня проводил в Москве, потом возвращался, никто и не замечал, где ты был в субботу-воскресенье. Оттуда привозили немного спиртного, еще всякие вещи валютные. К нам заходили в гости. Ну, а когда ты с людьми еще и нагишом под душем, а тут вода кончается, и все ждут, когда ее дадут через полчаса или час, то, конечно, общение достаточно свободное. Под конец моей жизни в Минске меня принимали почти как своего. Хотя, конечно, я знаю, что было двое знакомых, даже в достаточно дружеских отношениях мы с ними были, которые к нам были приставлены и которые за нами следили. Но вполне дружелюбно. Когда я уезжал, один мне сказал: «Не бойся, тебя проверять особенно не будут. Я написал о тебе очень хороший отчет». Я там преподавал, занимался таким культуртрегерством, показывал французские фильмы, переводил их с экрана. Было достаточно весело.

Эти два года жизни в СССР меня отрезвили полностью. После этого я уже особых иллюзий о советской системе не испытывал. Хотя я до сих пор не потерял надежду на построение в будущем более справедливого человеческого общества. Но после этой поездки я был глубоко убежден, что в России это справедливое будущее наступит нескоро, потому что увидел все неравенство, всю косность этого общества, его иерархичность, его несвободу, познакомился со всеми прелестями полицейского государства. Очень много жизненного опыта получил я с осени 68-го по осень 70-го, находясь в Минске.

А.М. НИКУЛИН: В то время первым секретарем компартии Белоруссии был Петр Машеров?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да, насколько я помню, но для нас это особого значения не имело. Что было для меня тяжело, так это запрет покидать Минск. Для того чтобы куда-то поехать, надо было каждый раз испрашивать разрешение, а разрешение довольно часто не давали. Все это было достаточно неприятно. Хотя мы ездили немножко. В Вильнюс съездили тайно, в Ленинград тоже тайно. В общем, все можно было понемножку, хотя вокруг было много запретов. Но были ведь и лазейки, как всегда, в таком обществе.

Несколько неофициальных друзей меня расспрашивали: «А ты не боишься с таким-то общаться? Наверное, если он с тобой общается, он гэбэшник или во всяком случае стучит на тебя?». Но почему я должен был подозревать других, мне все это было достаточно безразлично, я ничего такого противозаконного не делал. Поэтому если кто-то стучал на меня, ну и пусть стучал. Я не старался выяснить, как он это делает.

После этого моего опыта проживания и преподавания в Минске у меня и возникла идея заняться тем, что потом стало моей кандидатской диссертацией, незаконченной, я должен сказать, она у меня лежит в архиве, написанная на три четверти, с громадным количеством архивного материала. Тема диссертации: «Возникновение национализма в советской идеологии». У меня тогда

не было намерения напрямую заниматься сельской Россией и крестьянством, скорее, людьми, которые оперировали мифами вокруг крестьянства в своих идеологических конструкциях. Это тогда появлялись общества защиты памятников, соответствующие статьи и книжки конца 1960-х годов, книжки писателей-деревенщиков и критиков, которые писали о деревенской прозе. Вот это все я разбирал и анализировал. Все это меня интересовало тогда и потом, до конца существования Советского Союза. Мне было интересно, как внутри советской официальной идеологии, которую часто воспринимают как монолит, реально имеют место очень разные течения, которые существуют более-менее подспудно, более-менее запретно. Конечно, чисто технократические формы мышления были очевидны, но ведь существовало и националистическое движение, достаточно мощное уже тогда. И так я этим всем начал заниматься.

То есть я занимался так называемым неославянофильством, или русофильством, возраставшим с середины 1960-х годов. Первые дискуссии, над которыми я работал, были, например, те, которые велись вокруг книжки Солоухина «Письма из Русского музея». На мой взгляд, все это движение еще более усиливается после 1968 года. Кажется, что крах надежд на справедливое демократическое социалистическое общество после Пражских событий привел некоторых интеллектуалов как раз к поиску традиционалистских корней.

Тогда начинает усиливаться мода на русскую старину, иконы, путешествия на Русский Север. Тогда же начинается некое возрождение религиозности. Многие интеллектуалы принимают православие. А с другой стороны, это, на мой взгляд, тоже совершенно очевидно, усиливаются поиски вокруг западного демократического, несоциалистического общества. И из этого вырастало диссидентство. Но не только диссидентство. Многие из тех, кто не пошел в диссидентство, были уверены, что Россия должна развиваться западным путем. К слову, все эти течения стали публичными с возникновением Перестройки.

Поэтому для меня середина 1960-х годов очень важный момент в истории русской мысли, русских идеологических дебатов. Это я и исследовал в основном. И это меня привело к крестьяноведению, хотя очень косвенно. Я занимался, как я уже говорил, деревенской прозой. Она меня не особенно интересовала как литература, а скорее как проявление некоего идеологического течения в советском обществе, смесь пассеизма и национализма. В отличие от многих почитателей деревенщиков, я среди них не вижу больших писателей. Я не могу сказать, что, например, Распутин, Белов, Абрамов большие писатели. Но то же «Прощание с Матерой», скажем, для меня было очень интересно идеологически. Земля как мать. Противостояние деревенских традиций, то есть «хороших» ценностей, «плохим» западным, городским, современным и так далее. Это в «Прощании с Матерой» прочитывается совершенно очевидно. При этом, что любопытно, «Прощание с Матерой» (я об этом писал), получилось как бы произ-

водственным романом наоборот. Все эти производственные советские романы рассказывают про строительство ГЭС с точки зрения строителей дамбы, строителей самой ГЭС, которые просто и откровенно топят старый для них косный мир. А у Распутина все совершенно наоборот, это взгляд именно со стороны деревни, которую затопят.

А.М. НИКУЛИН: Взгляд из уходящей под воду деревни.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да. В деревне носители ценностей, конечно, это старые люди, там старуха — носитель истинных и традиционных ценностей. Чувствуется очевидное влияние Солженицына, его «Матренина двора». Я тогда в конце 1960-х — начале 1970-х начал этим всем заниматься. И все время следил за литературой деревенщиков, следил за дискуссиями вокруг нее.

Что потом? Потом история достаточно банальная, я бы сказал. Когда я был еще в Минске, меня пригласили в Гренобльский университет, на русское отделение, куда я и отправился. Я там преподавал с конца 1970-го вплоть до 1979 года, преподавал как обычный русист, т. е. немножко литературы, немножко языка, переводы, а в основном историю и современность советского общества. Достаточно быстро это мне надоело: не само преподавание, а жизнь в среднем провинциальном городе. Интеллектуальная жизнь там была вялотекущей, скажем так.

И когда возникла возможность переехать в Париж, мы всей семьей туда и перебрались. Там я сперва несколько лет преподавал в школе, потом меня взяли в Сорбонну преподавать. Это был где-то 1983–1984 год. Сорбонна была... не знаю, как она сейчас, в общем, на мой взгляд, престиж Сорбонны очень сильно преувеличен. Когда я в ней учился студентом, это была полная пустыня, это мне ровно ничего не дало. Когда я там преподавал, там было несколько очень хороших преподавателей, например, Базиль Кербле, с которым у меня сложились очень хорошие отношения. Это был замечательный человек, очень скромный, большой эрудит, он знал все, что можно знать, и в разных областях, потому что он занимался и социологией, и экономикой, читал художественную литературу. Он был и хороший историк. Но общая атмосфера в Сорбонне (я говорю про то, что я знаю, а именно про русское отделение) была достаточно скучной, поэтому я немножко развлекался тем, что одновременно вел семинар в Школе высших социальных исследований. Там я как раз занимался тогда и литературой, и обществом. Меня интересовало, конечно, в первую очередь общество, но через литературу. Понимая, что литература — не прямое отражение, я исследовал через нее интересное преломление общественной жизни. И этим я занимался достаточно плотно, семинары были интересными. Во всяком случае, мне были интересны, студентам не знаю как. Это был такой открытый семинар с достаточно свободной дискуссией, куда ходили и студенты, и коллеги. И тогда же я начал заниматься переводами. Должен сказать, в первую очередь, по экономическим причинам, но не только. Было и интересно.

А.М. НИКУЛИН: А когда же Вы занялись собственно крестьяноведением?

А. БЕРЕЛОВИЧ: А крестьяноведением стал я заниматься ближе к началу перестройки. Мне предложил это, не могу его назвать ученым, хотя он себя ученым считал и был даже профессором, Жан Малой. Он был несильный ученый, но очень хороший издатель. Он организовал издательскую серию, которая называлась «Земля людей», где публиковал самые разные интересные с антропологической, социологической точки зрения тексты. Первый том этой серии — это ни много ни мало «Печальные тропики»[1]. Конечно, не все книжки были этого уровня. Он напал на некий текст автора по фамилии Столяров, из русских крестьян. Иван Столяров родился в 80-е годы XIX века в Воронежской губернии в бедной крестьянской семье. Он был очень одаренный мальчик. В общем, какая-то знатная, богатая и в то же время филантропически настроенная дама, которая владела большими имениями, его опекала, дала ему возможность учиться на агронома. И он выбился в люди, не потеряв связь со своими родителями, со своей семьей. Он участвовал в событиях 1905 года, поэтому эмигрировал с помощью все той же покровительницы. Потом вернулся в Россию. Я думаю, он стоял примерно на эсеровских позициях. Принял Революцию. Но потом воспользовался командировкой на какую-то сельскохозяйственную выставку, чтобы остаться во Франции. И написал на старости лет воспоминания. Его вдова подготовила текст, но очень плохо (к сожалению, я рукописи его не видел, а только текст, уже обработанный вдовой). Вот это Малой и решил издать. Но так как текст был слишком короткий для обычного объема книг этой серии, он попросил меня сперва снабдить его комментариями и добавить другие воспоминания о жизни крестьян, начиная с середины XIX века (после Реформы), то есть примерно того же времени, что и воспоминания Столярова. Я достаточно долго работал, надеялся найти по мере возможности интересные воспоминания крестьян, но ничего не нашел. Думаю, их вообще почти нет. И Столяров — очень редкое исключение, обычно у крестьян нравоучительные воспоминания, написанные для детей и внуков. Это не очень интересно. Но я нашел воспоминания земского врача, священника в «Епархиальных ведомостях» и еще одну очень интересную книжку, которую вообще стоило бы, на мой взгляд, переиздать. Ее автор служил некоторое время волостным писарем. У него очень интересная судьба. Это был внебрачный сын генерала, который его не признал, но воспитал. Он окончил школу, поступил, кажется, в Петербургский университет, бросил его, чтобы «уйти в народ», помогать крестьянам (уже после великого похода народников, в 1880-е годы), и он оставил воспоминания о своей работе. И так как он работал при волостном суде, он описал тяжбы крестьян — очень интересный документ, из которого я извлек, к сожалению, только

1. Леви-Стросс К. (1984). Печальные тропики. М: Мысль.

короткий отрывок[2]. Я это все издал. Потом переводил кое-что, в том числе «Жизнь и судьбу» Гроссмана. В общем, помимо преподавания немало занимался переводами.

А.М. НИКУЛИН: А потом в СССР настала Перестройка.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Конечно, для людей, занимавшихся Советским Союзом, перестройка была поворотным моментом. И, как и многие, я вначале с большой осторожностью смотрел на то, что происходит, — боялся верить в реальность перемен. Но когда я в очередной раз съездил в Москву (какая-то у меня была научная командировка летом 1986-го), я смог убедиться, что происходит что-то серьезное. Тогда как раз состоялся знаменитый перестроечный съезд кинематографистов, где провалили Бондарчука-старшего и выбрали Элема Климова секретарем Союза. В общем, произошла у кинематографистов революция. И была у меня очень хорошая, очень давняя знакомая, близкий друг, которая работала в киноведческом журнале. Она мне все это рассказывала. Потом были, помните, перестроечные театральные пьесы, Шатров и так далее, я ходил на эти спектакли. И для себя решил, что что-то меняется. Неизвестно, как и надолго ли, но то, что тут что-то новое, я ощутил, и написал об этом в маленькой статье в газете, выходившей два раза в месяц «La Quinzaine littéraire. Она типа американского «The New York Review of Books», в ней в основном рецензии, но были и статьи. Редактор этого журнала — Морис Надо, в молодости сюрреалист, ему было тогда уже много лет, но он был убежденный троцкист. И он заинтересовался тем, что происходит в СССР, и попросил меня написать, что я там увижу, что я и сделал. Меня, конечно, сразу одни посчитали идиотом, которого обкрутил КГБ, другие — гэбэшником, который старается пудрить мозги французским читателям. В первую очередь распространяли этот слух эмигранты. Но ничего страшного, я от этого не умер. И потом начал писать достаточно интенсивно о том, что происходило в Перестройку. Для меня это было замечательное время, потому что вдруг открылась возможность бывать часто в Москве, общаться и напрямую заняться тем, что меня интересовало, а именно социологией советского — российского общества

В самом конце 1980-х известный французский социолог Ален Турен организовал большой исследовательский проект, охватывавший почти весь бывший социалистический лагерь. В 1989 году в его рамках Советским Союзом занялись Мишель Веверка в паре со мной. Он был социолог, ученик Турена, а я в этой социологической команде — эксперт по России. И мы провели большое исследование, очень большое, поскольку тогдашняя разница в курсах валют позволяла это сделать. Можно было проводить семинары, рассчитанные на 50 человек за достаточно маленькие деньги. Мы реализовали очень большой проект, в котором хотели посмотреть, что происходило в различных

2. *Астырев Н. К.* (1886). В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления, Москва.

организованных социальных группах, появились ли новые акторы, и если да, то кто они, какие у них ценности, каковы их цели (к слову, мы тогда и ввели слово актор, чтобы перевести с французского, актер явно не годился). Мы надеялись выявить, новых политических деятелей, но не элиту, а, например, активистов демократической России или активистов новых профсоюзов и так далее. Все это делалось по методике Турена. Мы тогда сотрудничали с Леонидом Гордоном и Эдуардом Клоповым, которые занимались рабочим движением. По этому исследованию позже были опубликованы книги и статьи. В общем, это было начало работы уже непосредственно в поле.

Мне очень хотелось, но так и не получилось работать в деревне. Я для себя открыл проект Шанина, но поздно, проект уже работал и там не было места. Впрочем, тогда же у меня в России сложились связи со многими исследователями, в том числе и с Виктором Петровичем Даниловым (что в последствии сыграло большую роль). С ним мы познакомились на конференции в Италии, хотя я жил тогда во Франции, а он в России. На этом симпозиуме выступил кто-то из нашей тогдашней так называемой «школы ревизионистов» о том, что Большой террор — это борьба партийных работников между собой, а коллективизация — борьбы бедных крестьян против кулаков (в то время они еще защищали эти идеи, потом перестали). Все это ерунда, конечно. Я выступил с репликой, что, дескать, получается, что крестьянская коллективизация — это та самая унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла: крестьяне сами себя начали истреблять. Данилову мое выступление понравилось, мы разговорились и, могу сказать, что в конце концов подружились, несмотря на разницу лет и научного статуса. Да, можно сказать, мы были друзьями. Тогда он искал западного ученого, чтобы получить ресурсы на свой проект публикации архивов. Я с удовольствием взялся за эту роль, начал искать деньги. В то время я вообще много делал для развития научных связей между Россией и Францией.

А.М. НИКУЛИН: Да, и это очень важно.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Я тогда уже работал по совместительству, как говорится, на общественных началах в Доме наук о человеке. С 1984 года, с очень хорошим историком модернистом Морисом Эмаром, который руководил Домом наук о человеке и очень много сделал для налаживания научных связей между Советским Союзом и Францией. Я с ним обсудил проект Виктора Петровича. Эмар сказал, что, безусловно, это очень хороший проект, давай попробуем. И тогда мы начали, думая, что это будет достаточно короткий проект, на 3–4 года максимум. Вначале все основывалось на нескольких архивах, где можно было найти документы по ситуации в деревне, исходящие из ЧК, ОГПУ, НКВД[3].

3. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939. Документы и материалы (2000–2012). В 4-х тт. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Вообще-то произошло так, что Виктор Данилов напал на эти сводки через Якова Аркадьевича Яковлева, бывшего наркома земледелия, который по халатности, не соблюдая инструкции, не все сводки отдавал обратно, некоторые оставлял у себя. Поэтому сводки эти отложились в архивах РГАЭ (тогдашнего ЦГАНХ). Данилов их там нашел и продолжил поиск. Вначале мы работали в трех архивах: ЦГАНХ, Военном архиве и немножко в партийном архиве. И уже потом (не я, конечно, а Виктор Петрович) наладили контакт с архивом КГБ. Исследование продолжалось долгие годы и завершилось уже после кончины Виктора Петровича. Последний том я издавал один, без Данилова. При том что становилось все сложнее и сложнее работать в архивах. Вначале можно было работать достаточно свободно, а потом все стало достаточно быстро закрываться. И нам выдавали то, что они сами считали нужным. К счастью, поскольку у Виктора было четкое понимание того, что можно найти, то даже когда нам что-то не давали, он требовал, чтобы более тщательно искали, и в конце концов часто находили, что нам нужно было. Но некоторые вещи для меня так и остались тайной, например, сводки о голоде 1932–1933 годов. По этой теме было выявлено очень мало документов, архивисты божились, что ничего другого нет. И несмотря на все попытки ничего другого так нам и не дали.

А.М. НИКУЛИН: Но младший коллега и ученик Виктора Данилова Виктор Кондрашин недавно издал тома архивных документов по голоду.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да-да, конечно. Но Кондрашин много работал в Президентском архиве, к которому у нас не было доступа. И, например, в украинских архивах по голоду намного больше нашлось сведений.

Вот так мы работали: я искал деньги, Виктор сидел в архивах, я, когда приезжал в Москву, тоже. Правда, когда я работал директором Французско-русского научного центра в Москве, когда мог, тоже в архивы сбегал. Это была очень для меня интересная работа, общение с Виктором Петровичем и знакомство с архивами дало очень много.

Я полагаю, что та масса архивных документов, которая была опубликована, еще не нашла должного отражения в монографиях. Что касается собственно нашей работы, я думаю, что опубликованными оказались не более 10 процентов документов, которые были выявлены. А выбор был очень тяжелый. Мы исходили из принципа дать, так сказать, образцы всего того, что можно найти в этом архиве. И это оказалось достаточно трудно, потому что интересных документов было очень много.

Приведу один пример. Были документы о проведении коллективизации, громадное количество сводок, почти ежедневных. Не знаю, кто успевал их читать тогда, так велико было их количество. Но что там меня поразило, это использование внутренних войск, приказы военного типа: отправить столько-то сабель и столько-то штыков,

столько-то кавалерии, столько-то красноармейцев в такую-то область и так далее, то есть по сути шла полномасштабная военная операция. Насколько я знаю, никто это так отдельно не изучал.

Другая замечательная тема — роль «низового аппарата». Самое высокая позиция — секретарь райкома, но большинство, нижнее звено — председатели колхозов и т. д. — практически не изучались. Их роль очень интересна, потому что они оказывались между молотом и наковальней. И часто старались немножко защитить своих подчиненных, в том числе и в собственных интересах. Например, председатель колхоза, который, с одной стороны, отдавал хлеб колхозникам до того, как сдать его государству, чем нарушал, и сильно, закон. Но, с другой стороны, чтобы его крестьяне работали, надо, чтобы они хоть немного ели. И он им давал зерно.

Пьянство на этом низовом уровне власти бывало фантастическое, это видно по сводкам в том числе, и я думаю, что оно было вызвано совершенно немыслимой ситуацией: эти низовые руководители видели, как люди гибнут, видели это не из высокого кабинета обкома, а прямо и явно, в окружающей их повседневности. Им надо было отнимать у людей последнее зерно, так что многие из таких начальников спивались, многие сбегали, бросая свои должности. Но многие исполняли приказы о заготовках и, по-видимому, без особых мучений.

А.М. НИКУЛИН: То есть были спецсводки по низшей партийной номенклатуре, о ее поведении?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Да. Сводки были разнообразные обо всем и обо всех. Поведение этого низового аппарата ломает стереотип, что, мол, были приказы, они спускались и выполнялись. А все так просто не спускается и не выполняется. Мы с Виктором часто обсуждали эту тему: вот дается приказ во время коллективизации, коллективизация должна достигнуть такого-то уровня, какой у тебя выбор? Или ты колхозников заставляешь под угрозой или просто силой вступать в колхоз, или занимаешься хвостизмом, то есть у тебя выбор между «перегибом» и «недогибом». Как горько шутил Виктор Данилов, по логике власти лучше было совершать «перегибы», чем «недогибы», но тем не менее ты мог и за «перегибы» потом поплатиться. И мы знаем, во время Большого террора многих судили за «перегибы», которые были вызваны напрямую приказом.

Виктор Данилов до окончания нашего проекта затеял другой большой проект, намного более широкий, намного лучше обеспеченный, надо сказать, там участвовали американские университеты, у которых возможности совсем другие, чем у нашего Дома наук о человеке. Это проект «Трагедия советской деревни»[4]. Были обна-

4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 65. 1927–1939. Документы и материалы (2000–2005). В 5-ти тт. Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

ружены документы, которые могли бы идти к нам, потому что это были документы из архивов ОГПУ—НКВД, но многие все-таки передавались в проект «Трагедия советской деревни». А в наш проект уже брали то, что оставалось. Но я не жалуюсь, в конце концов, я думаю, мы и в нашем проекте опубликовали много интересного. И этим я был занят многие годы.

Потом мы с Николя Вертом издали отдельный том по-французски, такая выжимка из четырех томов нашего проекта. В нем мы представили в основном анализ исторического периода, сопровождая его некоторым количеством сводок: примерно половина аналитического текста, половина переведенных сводок.

К сожалению, эта краткая французская версия «Советской деревни глазами ВЧК—ОГОУ—НКВД» не имела во Франции успеха, и издатель потерял на этом немало денег. В основном потому, что ко времени публикации интерес к России уже сильно упал. А с 1986–1987 и до конца 1990-х годов, скажем так, интерес к тому, что происходило в бывшем Советском Союзе, был во Франции и на Западе очень сильным.

Когда в начале 2000-х нынешний путь России определился, интерес к ней конечно очень сильно уменьшился, и архивные публикации уже никого особенно не волновали.

Тогда же вышла по-французски книжка Виктора Кондрашина, о которой мы уже говорили, и она тоже вызвала очень маленький читательский отклик. Отчасти и потому, что эта книга шла вразрез с теперь общепринятым на Западе тезисом, что голод 1932–1933 года был геноцидом украинского крестьянства, а все, что выходит за рамки такого понимания, особого успеха в современном французском общественном мнении не имеет.

А.М. НИКУЛИН: У меня несколько вопросов в развитие темы, не только крестьяноведческой. Вы рассказывали, что непосредственно Ваша полевая работа в реальном советском, постсоветском пространстве началась со времени Перестройки. Я помню Ваш доклад в начале 2000-х, может быть, 2004 года, у нас на семинаре Интерцентра, посвященный теме «Почему распался Советский Союз». Как я понял, Ваша аналитическая концепция сводилась к тому, что Советский Союз был достаточно устойчивым образованием, но одновременно совпали несколько кризисов: экономический, рост национализма, раскол в партийных элитах и во всем государственном управленческом аппарате, падение цен на нефть и так далее. У Вас был целый перечень этих кризисов, и то, что они все проявились одновременно в конце 1980-х — начале 1990-х годов, и привело к разрушению всего советского общества. Вот прошло время. Исходя из хорошо Вам знакомых подходов Теодора Шанина и Виктора Данилова к анализу исторических альтернатив, как Вы думаете, в те прошедшие времена были ли возможности трансформации, дальнейшего развития советского общества, России? Или все должно было получиться так, как получилось?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Описывать какой-то иной путь я бы не взялся, это было бы некорректно. Но, с другой стороны, конечно, надо задуматься, было ли все так неизбежно. И мы знаем, что безальтернативность устраивает, прежде всего власть имущих, потому что снимает с них всякую ответственность за сделанный выбор. Прежде всего именно они утверждают: ничего не могло произойти по-другому.

Мой главный интерес как исследователя состоял в изучении различных идеологических течений, особенностей идеологической борьбы. Именно в связи с этим меня интересовали судьбы интеллигенции. И мне кажется, что в том, что произошло во время Перестройки и после, была вина... Нет, не вина, но, может быть, скорее неподготовленность социальных сил и в первую очередь интеллигенции, которая оказалась не способной предложить обществу разные варианты выхода из советской системы..

Когда начали образовываться политические партии и группировки, стало видно, насколько у людей не хватает политической культуры. Ведь достаточно было партии назвать себя демократической, чтобы люди верили, что она демократическая. Помню, как я кого-то убеждал, что созданная в 1990 году Демократическая партия России, лидером которой был Николай Травкин, нисколько не демократична.

А.М. НИКУЛИН: Да, был такой советский строитель Николай Ильич Травкин.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Совершенно верно, к нему применимо ныне модное слово «популист». Был Травкин таким заурядным мелкотравчатым популистом. Но раз его партия названа «демократической», то и Травкин, значит, у нас демократ. И вообще все, кто был против советской власти, почти автоматически считались демократами.

И как раз один из результатов нашего исследования с Веверкой, о котором я говорил, заключался в том, что все новые политические силы объединялись вокруг неприятия советской власти, вокруг простой идеи, что надо с советским наследием покончить. За этим не было никаких реальных программ, зато полно иллюзий со стороны и лидеров (не всех), и населения.

Помните? Достаточно снести советскую власть, и все будет замечательно!

То, что Демократическая Россия, в основном состоящая из интеллигенции, поддержала Ельцина, в котором видели, как мне говорил один тогдашний деятель, «таран, который нам позволит снести советскую власть», было роковой ошибкой. А потом убеждали самих себя — мы Ельцину покажем, что надо делать, он обучаем, вот он поймет, да, он не отесан, но он понимает народ, а народ его понимает. И когда я старался убедить, что поддерживать Ельцина — явная гибель для демократического проекта, мое мнение было лишь «гласом вопиющего в пустыне».

Я помню дискуссии после 1991 года, когда уже стало очевидно, как себя будет вести Ельцин, что должно было из всего этого выйти, не говоря уже о его поведении после 1993 года. И я помню, как мне говорили: «Да нет, было необходимо разрубить этот «гордиев узел». Вот это последнее такое кровопролитие, да, но теперь мы ушли из прошлого и будем строить...». Я отвечал: «Глубоко, друзья мои, ошибаетесь. Это не отказ от прошлого, это первый акт будущего. И этот акт вас приведет к очень грустным вещам».

Я далеко не единственный, кто это говорил, были и другие. Я не хочу сказать, что я был какой-то особый пророк, но хочу подчеркнуть, что и тогда был выбор между различными альтернативами.

Да, конечно альтернативы были. Горбачев, мне кажется, видел какой-то средний путь и хотел идти по нему постепенно и медленными шагами, чтобы сохранить некое равновесие между своими противниками и сторонниками. И вот эта центральная позиция в определенный момент исчезла, в том смысле, что политические и социальные силы отодвинулись от Горбачева и ушли в сторону сохранения старой системы либо в ее полное неприятие.

А.М. НИКУЛИН: Они поляризовались, и он рухнул меж ними в пропасть.

А. БЕРЕЛОВИЧ: И в центре больше никого не оказалась... А тот путь, который был в конце концов избран, в общем, это был ленивый путь, я бы сказал, интеллектуально ленивый путь. Например, избрать шоковую терапию, как в Польше, но не учитывать маленький факт, что Польша была очень крепко объединена тем, что становилась действительно независимым государством, это сплачивало поляков, они были готовы вынести многое, только чтобы стать независимым государством. Правда, сейчас то, что там происходит, не вызывает большого оптимизма, но это уже другое дело.

Ну, а в России это натворили те, кто изображал из себя демократов, хотя были они глубоко не демократичны. У них произошло слияние, я бы назвал это, технократической мысли и советско-коммунистической практики (единоначалие), следуя которым человек, оказавшийся у власти по определению, знает, что надо делать, а массы должны только поддерживать его или по крайнем мере помалкивать. В западном технократическом варианте это называется «правильно голосовать».

Так вот в России, в позднем Советском Союзе начала 1990-х годов, при приходе команды Ельцина, я думаю, и было такое сочетание западного технократизма и советского партийного подхода, объединенного презрением к народу, по обычному советскому типу руководства: мы принимаем решение, а вы уж как можете должны к этому решению приспособиться.

Я думаю, злую шутку в России также сыграл тот факт, что главными примерами для новых руководителей были курсы Рейгана и Тэтчер, и даже Пиночета, а не образцы тогда уже, к сожалению, ослабленной скандинавской социал-демократии.

Почему был полностью отброшен сразу же социально-демократический путь?! Почему в сельской России (мы с Даниловым много все это обсуждали, тогда он об этом писал) надо было обязательно в уродливых формах стремиться распустить колхозы, предоставляя возможность контролировать землю узкому кругу людей, а не дать крестьянам возможность самим выбрать свой путь?!

А.М. НИКУЛИН: Вернемся к крестьяноведческой проблематике, и не только российской. Вы же были знакомы и с Моше Левиным, может быть, что-то расскажете о нем и о французских крестьяноведах. Затем давайте обсудим Вашу роль культурного посредника, человека, много сделавшего для развития культурных академических связей между Россией и Францией, Россией и Западом. Вы много сил этому отдали.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Давайте начнем с моих организационно-административных научных занятий. Итак, я человек двух культур: я французский гражданин, но представитель русско-французской культуры, это не всегда просто, но, в основном, личность все же обогащает. Одно из моих постоянных стремлений — наводить мосты между культурами Франции и России, и через это включать русских ученых в мировое сообщество. Ведь они были отрезаны от него. Я говорю, прежде всего, о гуманитарных науках, в точных, я думаю, это проявлялось несколько в других формах. Многие из гуманитарных дисциплин в СССР были в ужасающей ситуации. Если, например, взять социологию, то лишь несколько социологов могли более-менее нормально работать, но говорить о социологии в целом почти невозможно. Конечно, я в начале недооценивал глубину этого кризиса и тешил себя иллюзиями, как и многие, что достаточно «открыть двери», достаточно позволить ездить и общаться вместе, помочь при помощи стипендий молодым ученым ездить на Запад, там учиться, писать диссертации, стажироваться, и возникнет некое интеллектуальное ядро, которое будет потом расширяться и позволит медленно, конечно, постепенно включить российское сообщество в международный научный обмен, в мировое сообщество ученых. Это осуществилось лишь частично, и коснулось в основном Москвы, Петербурга и нескольких больших городов.

Поэтому когда мне предложили работать в Доме наук о человеке, я с радостью согласился. Он еще в советское время, в самом начале Перестройки, подписал договор с Академией наук о научном обмене, который, наверное, еще действует. Потом, когда уже началась перестройка и настали новые времена, Дом наук о человеке учредил целую серию стипендий для аспирантов и молодых кандидатов, чтобы они стажировались во Франции, приглашал ученых с лекциями, организовывал семинары, финансировал совместные проекты. Мы старались наладить такие плотные по мере возможности научные отношения. Моя постоянная идея, слава богу, это была также идея Мориса Эмара, директора Дома наук о человеке, что не надо заниматься показухой и устраивать какие-то большие конференции, которые оста-

ются без продолжения, а надо помочь людям совместно работать. Это были в том числе стипендии имени Дидро, они предоставили многим ученым до 40 лет возможность год или полгода поработать во Франции. И это дало определенный эффект. Я этим занимался долго, пока не уехал в Москву во французское посольство в качестве атташе по культуре. Мне хотелось посмотреть, что происходит в Москве, не наездами, а живя там постоянно. Но это была ошибка.

А.М. НИКУЛИН: Это в какое время?

А. БЕРЕЛОВИЧ: С 1994 по 1997 год. Я не учел тот факт, что посольство — это масса бюрократической работы, для которой я плохо подготовлен, будучи человеком очень беспорядочным. В общем, живешь и работаешь в посольстве постоянно и ничего другого не видишь. Я старался, когда мог, убегать из посольства, участвовать в семинарах и так далее, но это было тяжело. Пока я работал атташе, у меня созрела мысль создать Французский научный центр в Москве, который бы помогал развитию научных связей между Россией и Францией в гуманитарных науках. Я тогда приложил немало усилий — надо было убедить Министерство иностранных дел, надо было убедить Центр научных исследований и, наконец, надо было убедить Министерство высшего образования. И у меня получилось: в 2000 году создали такой центр. Директором центра стала Франсуаза Досэ, а потом я с 2002 по 2006 год. Это были для меня очень счастливые годы, потому что тут я мог делать то, что хотел, и по мере сил и средств помогал российским ученым приезжать во Францию, французским — в Россию, вести совместные семинары, в общем, заниматься научной деятельностью. А самому заниматься своими исследованиями времени оставалось мало. Этот центр существует и поныне. Если нынешние меры экономии, которые будет предпринимать Франция, не коснутся центра, я надеюсь, он скоро отметит свое двадцатилетие. Это на второй вопрос я ответил.

А на первый вопрос о крестьяноведах российских и французских... Здесь, прежде всего, расскажу о Моше Левине.

Моше Левин (Михаил Львович Левин, Moshe Lewin, 1921–2010) был замечательным историком и незаурядной личностью. Его жизнь достойна романа: жизнь в Вильно перед войной, в Советском Союзе во время войны, затем Пластина, Израиль, Франция, Англия и США. Остановлюсь на том, что он своей диссертацией «Крестьянство и советская власть»[5] дал решающий толчок развитию социальной истории Советского Союза в то время, когда там доминировала так называемая «тоталитарная школа», сводившая все к политической истории или даже к одной борьбе за власть и отрицавшая само существование общества (я здесь конечно сильно огрубляю позиции этих историков). Левин знал не понаслышке жизнь «простых людей», он успел, пока жил в России, поработать в колхозе, шахтером, сталеваром и пройти офицерские курсы (он

5. *Lewin M.* (1966). La Paysannerie et le pouvoir soviétique. Paris.

молодым офицером участвовал в Параде Победы). К слову, это была одна из причин его дружбы с Виктором Петровичем. Он очень любил делиться своими воспоминаниями об этом периоде его жизни, как говорил «за чашкой чая». В отличие от некоторых его последователей «ревизионистов» он нисколько не преуменьшал роль политической борьбы. Его последнее, так и незавершенное большое исследование было о советской бюрократии.

С Моше Левином был у меня проект во Франции в Школе высших социальных исследований. Задумали мы вокруг Моше Левина создать ядро людей, которые бы изучали социальную историю СССР — России. И мне поручили вот этим заняться. Тогда-то я с ним близко и познакомился. Хотя этот проект был кое в чем полезен, но недостаточно, потому что Левин прилетал из США в Париж всего на месяц или полтора в год. Чтобы пришли молодые исследователи, чтобы был руководитель диссертаций, чтобы Левин смог вокруг себя создать школу, надо было бы создать полноценный центр, но на это у нас не было ни средств, ни людей.

А.М. НИКУЛИН: В какие годы реализовывалась идея такого исследовательского центра?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Это был даже не центр, а некая неформальная группа — в середине 1980-х годов, перед самой Перестройкой. Левин приезжал в Париж с 1983 года в течение 5 лет. Он был доволен, так как очень любил Париж и не очень Америку, под конец жизни он совсем перебрался в Париж. Не будем о грустном. Сейчас я Вам покажу одну фотографию.

А.М. НИКУЛИН: Где сделан этот снимок?

А. БЕРЕЛОВИЧ: У меня дома, когда я был атташе по культуре, к концу нашего домашнего ужина. Это моя супруга Мария Ферретти, Виктор Петрович Данилов, Теодор Шанин и Моше Левин. Забавно, как Теодор с нежностью смотрит на Моше Левина, а Моше Левин как всегда угрюмо разглядывает окружающих.

А.М. НИКУЛИН: Да очень характерная фотография.

А. БЕРЕЛОВИЧ: Видите, какие были приятные моменты... У меня была мысль (но я ее не могу никак осуществить) провести семинар, посвященный Виктору Данилову, Базилю Кербле, Моше Левину и пригласить на него Теодора Шанина.

А.М. НИКУЛИН: Я могу понять, конечно, Левин, Данилов, Шанин были друзьями, а каково место в этой троице Кербле? Он лично знал их, работал с ними?

А. БЕРЕЛОВИЧ: Нет, он Данилова лично не знал, но очень его уважал, потому что читал, что тот написал. Было бы просто замечательно собрать такой семинар, посвященный этим четырем крестьяноведам и их работам.

А.М. НИКУЛИН: Что ж, это замечательная идея. В заключение нашей беседы давайте пожелаем, чтобы идея такого семинара действительно осуществилась ради развития крестьяноведческих исследований России, Франции и всего мира.

1994 г. Вечер в московской квартире А. Береловича и М. Феррети, слева направо: Моше Левин, Мария Феррети, Виктор Данилов, Теодор Шанин. Фото А. Береловича

“My constant desire is to establish relations between the cultures of France and Russia ...”

Alexis Berelowitch, University Paris — Sorbonne (Paris IV). France, Paris-5, Rue Victor-Cousin, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

In his interview, the French researcher Alexis Berelowitch considers his Russian family roots and the desire to combine French and Russian cultures in his life through different types of cooperation in the Russian and French historical-sociological projects. He first visited Russia as a teenager in a Moscow pioneer camp in the late 1950s, then he worked as a young volunteer teacher of French at the Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages in the late 1960s, and after that he chose the key topic of his research — the development of the nationalist trend among village-writers in the Soviet Union. Since *perestroika* Berelowitch has participated in Russian-French scientific projects of sociologists who studied the transformations of public opinion under the collapse of the USSR, and in Russian-French scientific projects of historians who studied the early Soviet period of the agrarian history of the 1920s — 1930s. Alexis Berelowitch made a great contribution to the development of cultural and scientific relations between France and Russia as a cultural attaché of the French Embassy in the mid-1990s and as a director of the French Scientific Center in Moscow (2002-2006). The interview pays special attention to his personal memories of such remarkable researchers of the Russian peasantry as Basile Kerblay, Moshe Levin, Viktor Danilov and Teodor Shanin.

Keywords: Peasant Studies, *perestroika*, Russia, USSR, France, university science, Kerblay, Levin, Danilov, Shanin.